

ЯВЛЕНИЕ СИНЕСТЕЗИИ В МАЛОЙ ПРОЗЕ В. В. НАБОКОВА (НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ И ПЕРЕВОДАХ НА РУССКИЙ)

Людия ХОДАКОВА, студентка филологического факультета
Бельцкого государственного университета имени Алеку Руссо.

Научный руководитель: Вячеслав ДОЛГОВ, доктор, конференциар

Abstract: *This article is dedicated to revealing the peculiarities of the representation of synesthesia in the prose of V. Nabokov. The analysis was carried out on the material of works written in the period from 1943 to 1959 in English, as well as options for their translation into Russian. The article provides the definition of synesthesia, presents the results of the quantitative and qualitative analysis of the facts of a continuous sample, revealed frequency techniques and translational transformations.*

Keywords: *synesthesia, synesthetic metaphor, comparative aspect.*

До начала XIX века считалось, что пять органов чувств (зрение, слух, обоняние, осязание и вкус), отвечающих за получение информации об окружающем мире, функционируют независимо друг от друга. Затем было установлено, что информация, поступающая от одной модальности ощущений, может взаимодействовать с другой, и одна из форм такой взаимосвязи называется синестезией. Буквально «синестезия» означает «соединенное ощущение» (от греч. «syn» – вместе и «aesthesia» – ощущение). Синестезия как объект научного изучения имеет давнюю историю. Учеными рассматривались физиологические, психологические, философские, искусствоведческие, филологические аспекты природы данного явления.

Начало лингвистического изучения знаменует работа Г. Пауля «Принципы истории языка» (1880), в которой синестезия трактуется как «логическая операция, результатом которой является перенос понятия из одной чувственной сферы в другую» [4]. В современной лингвистике существуют и иные определения синестезии, например, Дж. Серль связывает это явление с «переносом по ассоциации различных понятийных сфер» [5], а Н.Н. Золина трактует данное понятие как «соединение вместе признака и предмета, воспринимаемое разными органами чувств» [1]. Несмотря на все многообразие существующих дефиниций, общепринятого определения понятия до сих пор нет.

Под синестезией в рамках данного исследования мы (вслед за Е. Ключевым) понимаем особое языковое явление, воздействие которого обусловлено межчувственным переносом, специфика которого заключается в способности задействовать «...сразу несколько областей чувств – скажем, зрение и слух или вкус, обоняние или осязание, плюс прочие самые разнообразные комбинации» [2]. Мы также разделяем концепцию исследователей (С. Ульман, В. Г. Гак, Б. Уорф, Х. Кронассер, М. В. Никитин и др.), трактующих синестезию как разновидность метафоры. Примечательно в этом отношении следующее уточнение С. Ульмана: синестезия является «древней, широко распространенной, возможно даже универсальной формой метафоры» [7]. Рассматривая вербальное отображение связи чувств и ощущений, ученые отмечают, что оно имеет характер переноса и, следовательно, представляет собой особую метафору – синестетическую. Следует подчеркнуть, что в художественных произведениях синестезия может проявляться не только как метафора, она может входить в состав других художественных средств, построенных на ассоциациях по сходству, таких как аллегория, оксюморон, эпитет и антитеза [2].

А. Н. Смолина утверждает, что «синестезия – это своеобразный стилистический маркер, открывающий читателю специфику мировосприятия и мироощущения писателя и поэта, его видение окружающей действительности» [6], следовательно, синестезия может отражать специфику идиостиля. Одним из ярчайших представителей плеяды писателей-синестетов ученые называют В. В. Набокова. В данном контексте считаем необходимым обратить внимание на такое его признание: «... Я наделен чудаческим даром, видеть буквы в цвете. Это называется цветным слухом. Возможно, таким талантом обладает один из тысячи. Но психологи говорили мне, что так видят большинство детей, и что позже они утрачивают эту способность...» [3].

В автобиографии «Память, говори» автор рассуждает о своем синестетическом даре. Он описывает первый случай проявления хроместезии¹². Так, юный Набоков сообщает матери, что цветные кубики с буквами «покрашены неправильно». Выяснилось, что у его матери тоже возникали ассоциации «буква/цвет» и что некоторые буквы на кубиках имели для нее тот же оттенок, что и для ее сына (но не тот, которым их раскрасил производитель). Мать Набокова всячески поощряла его восприимчивость к визуальной стимуляции, а уроки рисования и живописи были частью его домашнего начального образования.

Синестетом была и жена Набокова Вера, а позже выяснилось, что их сын Дмитрий обладал способностью видеть буквы в цвете: «Тогда мы попросили его перечислить свои цвета, и оказалось, что в одном случае буква, которую он видит пурпурной или, возможно, розовато-лиловой, является розовой для меня и синей для моей жены. Это буква М. Так комбинация розового и синего дали цвет сирени. словно гены рисовали акварелью» [3].

¹² Хроместезия – один из типов синестезии, когда звуки произвольно сопряжены с образами цвета.

Природа хроместезии в творчестве Набокова (на материале произведений, написанных на русском и английском языках) достаточно глубоко исследована и описана. Поэтому мы обратились к анализу различных типов синестезии в сравнительно-сопоставительном аспекте. В качестве материала использовались произведения В. В. Набокова, написанные в период с 1943 по 1959 гг.: «That in Aleppo Once...» (1943), «The Assistant Producer» (1943), «A forgotten Poet» (1944), «Signs and Symbols» (1948), «Lance» (1952), «Scenes from the Life of a Double Monster» (1958), «The Vane Sisters» (1959). Также анализировались переводы данных художественных текстов на русский язык Дмитрия Чекалова («Помощник режиссера») и Сергея Ильина («Как-то раз в Алеппо...», «Забывтый поэт», «Знаки и символы», «Ланс», «Сцены из жизни двойного чудища» и «Сестры Вэйн»).

Методом сплошной выборки мы выявили 32 случая синестезии. Примеры распределили по 7 группам, представляющим собой пары, совмещающие два модуса. В результате было установлено, что в заявленных произведениях В. В. Набокова доминирует синестетический перенос, основанный на комбинации «зрение + осязание». Частотность различных типов синестезии такова:

1. зрение + осязание (17);
2. зрение + слух (6);
3. запах + зрение (3);
4. слух + вкус (2);
5. зрение + вкус (2);
6. осязание + слух (1);
7. осязание + вкус (1).

Отобранные из оригиналов произведений примеры мы сопоставили с вариантами переводов, чтобы выявить арсенал используемых трансформаций и приемов. Мы не стремились дать адекватную оценку текстам переводов, а лишь сопоставляли контекстуально обусловленные единицы – репрезентации синестезии.

В результате анализа, мы пришли к выводу, что все выявленные нами примеры синестезии переданы переводчиками с такой же частотностью и в соответствии с модусами:

- 1) зрение + осязание (17). Например: «*silky fair fuzz* – шелковистый светлый пушок»;
- 2) зрение + слух (6). Например: «*vast silent explosion* – огромный безмолвный взрыв»;
- 3) запах + зрение (3). Например: «*the reek of violet ink* – смрад фиолетовых чернил»;
- 4) слух + вкус (2). Например: «*udder-warm bubbling verse* – булькающие, словно парное молоко, вириш»;
- 5) зрение + вкус (2). Например: «*appetite for tidbits of light and shade* – аппетит к лакомым крохам света и тени»;
- 6) осязание + слух (1). Например: «*the unruffled mute softness* – ровная немая мягкость»;

7) осязание + вкус (1). Например: «*the brimming, salty, moist stars – соленые, влажные звезды*».

Мы обратили внимание, что в подавляющем большинстве случаев переводчики достаточно точно подобрали эквиваленты и варианты соответствия для сохранения синестезии. Им удалось средствами русского языка создать столь же глубокий художественный текст, характеризующийся сопряжением различных ощущений и впечатлений.

В некоторых случаях были использованы определенные переводческие трансформации, необходимые для передачи релевантной информации. Одна из наиболее частотных трансформаций, нередко обусловленная спецификой топики русского и английского языков, – изменение порядка слов. Это можно проследить в следующих примерах:

- *coal dust glittering in the heat – жаркое сияние угольной пыли.*
- *the crickets emitting their metallic trill – металлический свист сверчков.*
- *drip-dripping brilliant icicles – бриллиантовые кап-капающие сосульки.*

Другой пример трансформаций – опущение:

- *an effect of melting light on one side of her misty hair – тающий отблеск света в [ее] дымчатых волосах.*
- *a special violet sheen on wet April days – фиалковый отсвет влажных апрельских дней.*
- *chocolate-cream voice – шоколадный голос.*

Прибегали переводчики и к конкретизации, чтобы уточнить более широкую по семантическому объему единицу или же использовать то слово, которое закреплено языковой традицией. Обратимся к примерам:

- *suspiciously compact silence as if deliberately forming a black backdrop for the nerve flash – подозрительно плотная тишина, как бы образующая черный задник для нервных подскоков.*
- *liquid brown eyes – водянисто-карие глаза.*

В заключение подчеркнем, что в переводах заявленных произведений переводчикам удалось сохранить не только глубину содержания, но и многообразие художественных средств, в том числе синестетические переносы – одну из важных составляющих идиостиля В. Набокова.

Библиография:

1. ЗОЛИНА Н. Н. *Проблемы структурно-семантической организации и интерпретации текста*. Барнаул, 1980. С. 31.
2. КЛЮЕВ Е. В. *Риторика (Инвенция. Диспозиция. Элокуция)*. Учебное пособие для ВУЗов. М.: «Издательство ПРИОР», 2001. С. 272.
3. НАБОКОВ Владимир. *Строгие суждения*. М.: «КоЛибри», Азбука Аттикус, 2018. С. 48, 50.
4. ПАУЛЬ Г. *Принципы истории языка*. М.: Издательство иностранной литературы, 1960. С. 500.
5. СЕРЛЬ Джон Р. *Метафора / Теория метафоры*. М.: Прогресс, 1990. С. 327.

6. СМОЛИНА А. Н. *Синестезия как троп метафорического типа*. В: Журнал Сибирского Федерального университета. Гуманитарные науки, 2009. Т. 2. С. 102.
7. УЛЬМАН Серль. *Семантические универсалии*. В: *Новое в лингвистике*, 1970. Вып. 5. С. 279.